

Н.А. Потапова*

N.A. Potapova*

**«Харбинская» операция НКВД СССР
(сентябрь 1937 – ноябрь 1938 гг.)
в Красноярском крае: общее
и особенное в организации
и проведении репрессивной акции**

**The "Harbinian operation" of the USSR
NKVD (September 1937 – November
1938) in the Krasnoyarsk territory:
general and special in the organization
and conduct of repressive campaign**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-6

УДК 94(47)–1937/1938

Выходные данные для цитирования:

Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 гг.) в Красноярском крае: общее и особенное в организации и проведении репрессивной акции // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 6. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-06.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-6

How to cite:

Potapova N.A. The "Harbinian operation" of the USSR NKVD (September 1937 – November 1938) in the Krasnoyarsk territory: general and special in the organization and conduct of repressive campaign // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 6. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-06.pdf>

Abstract: The article is devoted to carrying out "Harbinian" repression campaign in the Krasnoyarsk territory. The campaign was carried out among the national operations of the Great Terror to identify and expose the Japanese spies among former workers of the Chinese Eastern Railway and re-emigrants from China. The aim of the article is to identify the characteristics of the "Harbinian" operation in the Krasnoyarsk territory and to identify the specifics of the operation in the region. The article is based on the records of the Commission of the NKVD and the Public prosecutor of the USSR, the records of the Special Troikas and departmental records management of the NKVD in Krasnoyarsk region. Krasnoyarsk territory, Chita and Novosibirsk region have been leaders in the number of victims, repressed under the "Harbinian" operation. In the Krasnoyarsk territory 1 753 people were arrested, of which 1 596 people were sentenced to death, 140 people were sentenced to 10 years of labor camps. The calculations showed that the proportion of persons who had been repressed by "Harbinian" line in the Krasnoyarsk region was 26 % of the total number of repressed for "National" Operations. From September, 1937 to August, 1938 indictments were imposed by the Commission of the NKVD and the Public prosecutor of the USSR in Moscow. Since September, 1937, the punitive powers were entrusted to the Special Troikas, which stopped their work since November 13, 1938. Not only former employees of the Chinese Eastern Railway (CER, KVZhD) and re-emigrants from China, but also representatives of the Chinese, Korean, Greeks, Iranians diasporas, the Russian-speaking population from Mongolia and Tuva, kulaks and Cossacks were accused as Japanese spies in the Krasnoyarsk territory. The share of former employees of the CER and re-emigrants from China was about 27 % from the total number of repressed by order No. 00593 in the Krasnoyarsk. About 23 %) of all those convicted by the order No. 00593 in the region were the Chinese. By order No. 00593 about 14 % Koreans were arrested. About 2,2 % of so called "mongolists" (i.e. those sent by prisoner transport from Mongolia or defectors of Soviet-Mongolian boarder) and "tuvinian" (i.e. those sent by prisoner transport from Tuva or defectors of Soviet-Tuvinian boarder) were arrested in the Krasnoyarsk territory. Most of them were Russian White Guards. 554 dispossessed peasants and Cossacks were arrested to the "Harbinian" operation, which amounted to 32 % of the total number of repressed. The massive inclusion of former kulaks and Cossacks who were sent to the region in the first half of the 1930s, mainly from the Chita region, is the main feature of the "Harbinian" operation in the region.

* **Потапова Наталья Анатольевна**, независимый исследователь, e-mail: skna17talya@mail.ru
Potapova Natalia Anatol'yevna, independent researcher, e-mail: skna17talya@mail.ru

Keywords: the Great Terror; "national" operations; "Harbinian" order; the Krasnoyarsk Territory; "Harbinians"; the Chinese; the Koreans; "mongolists".

The article has been received by the editor on 30.01.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности общесоюзной репрессивной акции, проведенной органами НКВД (УНКВД) на основании оперативного приказа № 00593 («харбинская» операция) от 20 сентября 1937 г. Анализируются, впервые вводимые в научный оборот материалы внесудебных инстанций (двойки и Особой тройки) и ведомственного делопроизводства УНКВД по Красноярскому краю. Их изучение позволило сделать вывод о том, что «харбинская» операция в регионе была направлена, в первую очередь на бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая. Второй по численности целевой категорией приказа № 00593 стали китайцы, кроме того в «японском шпионаже» были обвинены корейцы, татары, иранцы и греки. Географическая близость к Китаю Монгольской и Тувинской народных республик предопределила репрессии против лиц, проживавших (даже временно) в МНР и ТНР. Главная особенность проведения «харбинской» операции в Красноярском крае выразилась во включении в рамки приказа № 00593 раскулаченных крестьян, сосланных в регион в начале 1930-х гг. Их аресты и осуждение позволили территориальному УНКВД превысить лимиты приказа № 00447, проведя целевые группы «кулацкой» операции по одной из сложноорганизованных «линейных» карательных акций. Важным выводом является заключение о том, что социальный статус (статус перемещенного населения или административного высланного населения) выступал определяющим фактором чистки, а «связь с границей» выступала в качестве повода для репрессии. В научный оборот вводится статистика по репрессированным в Красноярском крае не только по приказу № 00593, но и по «национальным» карательным акциям в целом.

Ключевые слова: Большой террор; «национальные» операции; «харбинский» приказ; Красноярский край; «харбинцы»; китайцы; корейцы; «монголисты».

Центральное место в Большом терроре занимали массовые операции НКВД – «кулацкая», нацеленная на борьбу с «бывшими», а также серия «национальных», направленных на преследования «иногражданского» и «инонационального» элемента. Согласно данным НКВД СССР, по «линейным» карательным акциям с 25 августа 1938 г. по 15 ноября 1938 г. прошло около 347 тыс. человек¹, т. е. четверти репрессированных в годы Большого террора инкриминировали шпионскую деятельность в пользу иностранных государств. По приказу № 00593 внесудебные инстанции осудили около 49,5 тыс. человек². В ряду «национальных» репрессий по численности жертв «харбинская» операция заняла третье место, после «польской» и «немецкой».

Карательные акции 1937–1938 гг. затронули все советские республики, но наиболее массово они прошли в РСФСР (830 тыс. человек) и УССР (253 тыс. человек). Среди российских регионов особенно широко карательные органы развернули репрессии в Московской (66,1 тыс. человек), Ленинградской (65,2 тыс. человек), Новосибирской (64,7 тыс. человек), Омской (29,6 тыс. человек) областях. Красноярский край занял по численности жертв пятое место: количество осужденных приблизилось к 29 тыс. человек, в том числе по «кулацкой» операции – 16 350 человек, по «национальным» приказам – 6 732 человека. В «японском шпионаже» обвинили 1 753 человека³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17.

² Там же.

³ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9.

Репрессии в стране санкционировало постановление Политбюро ЦК ВКП(б), на заседаниях которого нарком внутренних дел И.Н. Ежов представлял уже разработанные, но еще не подписанные тексты приказов. С августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. органы НКВД СССР в общесоюзном масштабе провели 11 «национальных» карательных акций, а именно: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «финскую», «эстонскую», «латышскую», греческую», «иранскую», «афганскую», «румынскую» и «смешанную». Из известных «линейных» операций в поле зрения специалистов попали только четыре: «польская»⁴, «немецкая»⁵, «харбинская»⁶ и «греческая»⁷. Алгоритм изучения массовых акций против «националов» был предложен Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые пришли к выводу, что приказ № 00485 (польский) стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный».

Вместе с тем к настоящему времени написаны работы, посвященные региональным особенностям политических репрессий, в которых «национальные» карательные акции рассматриваются в контексте «чисток» 1920–1930-х гг. Исследования посвящены преследованиям против немцев в Сибири⁸ и в Московской области⁹, китайцев в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке¹⁰, корейцев в дальневосточном регионе¹¹, финнов в Карелии¹² и т. д. Однако основная проблема данных работ заключается в весьма ограниченном использовании материалов ведомственных архивов, а в некоторых работах документы НКВД СССР вообще не задействованы. Слабое использование в научных работах подобного рода исторических источников объясняется введением в России в начале 2000-х гг. ограничений на доступ к персональным данным, в том числе на осужденных в 1937–1938 гг. Только по истечению 75-летнего срока давности историки вновь получили доступ к решениям внесудебных инстанций и прекращенным архивно-следственным делам периода Большого террора. Эти материалы до сих пор в основном хранятся в ведомственных архивах ФСБ (бывших архивах КГБ).

До настоящего времени историки не пришли к единому мнению о причинах проведения «национальных» карательных акций. Концепцию об этнизации сталинизма выдвинул немецкий историк Й. Баберовски на основе изучения политики сталинского режима в Азербайджане. Он считает, что «большевистское руководство воспринимало окружающую действительность как арену межэтнических конфликтов». Поэтому национальность оценивается автором как важнейший компонент того образа врага, который был присущ сталинской власти. В отношении массовых репрессий 1937–1938 гг. Й. Баберовски констатирует, что «этническая чистка занимала центральное место в системе сталинского

⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

⁵ Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, свободный (дата обращения: 02.02.2019).

⁶ Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85. Она же. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 300 с.

⁷ Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006. 416 с.

⁸ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьба немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995. 315 с.

⁹ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012. 342 с.

¹⁰ Дацьшен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 11.01.2019); Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск, 2015. 198 с.

¹¹ Сон Ж. Российские корейцы: вселилие власти и несправие этнической общности 1920–1930. М., 2013. 528 с.

¹² Такала И.Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Петрозаводск, 2018. Вып. 3. С. 143–207.

террора». Позднее, изучив операцию по приказу № 00447, он заметил, что этнические чистки имели место только в 1938 г., а в 1937 г. репрессии проводились по социальному признаку¹³.

Скептически к выводам Й. Баберовски относится российский исследователь А.И. Савин. Проанализировав архивно-следственные дела жертв массовых операций НКВД в Алтайском крае и Омской области, он приходит к выводу, что деление Большого террора на год социальный и год этнический является «умозрительной логической конструкцией», которая «не находит своего однозначного подтверждения в источниках». А.И. Савин говорит о тенденции этнизации сталинизма, которая была непоследовательной, неустойчивой по времени, переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым, политическим мотивам репрессий. Приводя аргументы «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма на примере «немецкой» операции НКВД СССР, ученый приходит к заключению, что решающим критерием для репрессий по национальному признаку являлось «враждебное» социальное прошлое¹⁴.

Проведенный автором статьи анализ «альбомов» по Украинской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Казахской, Киргизской ССР, Новосибирской, Читинской, Иркутской областям, Алтайскому, Красноярскому, Дальневосточному краю позволил сделать вывод о том, что «национальные» карательные акции не являлись этническими чистками. Критерием «преступности», в первую очередь, выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с ней. Только с весны 1938 г. наметилась тенденция этнизации «национальных» операций, так как около 60 % репрессированных в это время являлись представителями национальных меньшинств.

«Харбинская» карательная акция стала одной из «линейных» репрессий, так как сотрудники НКВД СССР, относящие ее к числу «национальных», проводили репрессии в рамках приказа № 00593 на основании «связи с границей», а именно: «связи с японским государством», оккупировавшем Корею и Маньчжурию. Поэтому бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая стали главными «подозреваемыми» в «шпионской деятельности в пользу Японии». «Альбомный» порядок осуждения также свидетельствует о принадлежности «харбинской» операции к числу «линейных». Кроме того, с весны 1938 г. в рамках приказа № 00593 стали массово репрессировать представителей национальных меньшинств, в первую очередь китайцев, корейцев, уйгур и т. д., что также ставит данное направление в один ряд с «польским», «немецким» и другими.

«Харбинскую» операцию НКВД СССР следует рассматривать как одну из сложноорганизованных «национальных» операций Большого террора, внутри которой реализовывались общесоюзные и региональные карательные направления. Выделение таких направлений или линий производится на основании целевых категорий, включенных в приказ № 00593. Среди общесоюзных линий главное место занимает «харбинская», которая была нацелена не только на бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, но и на всех русскоязычных лиц, проживающих (даже временно) в Китае. К общесоюзным направлениям приказа № 00593 также относятся китайская и корейская линии. Среди региональных автором были выделены «дальневосточная» (высланные с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы»), уйгурская, «монгольская» «тувинская» линии, а также репрессии в отношении «бывших» и «посольских и консульских связей» Китая, Японии и Маньчжоу-Го. Не во всех регионах «харбинская» линия численно доминировала над

¹³ Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick. Cambridge, 2009.

¹⁴ Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012. № 3. С. 40–61; Savin A. Ethnification of Stalinism? National Operations and the NKVD Order № 00447 in a Comparative Perspective // Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research. Edited by Andrej Kotljarchuk & Olle Sundström. Stockholm 2017. P. 49–68.

другими. В Дальневосточном крае¹⁵, Якутской АССР¹⁶ по приказу № 00593 было осуждено около 90 % китайцев, в Казахской ССР и Краснодарском крае преобладала «корейская» линия. В Казахской и Киргизской ССР территориальные органы НКВД репрессировали уйгур как «японских шпионов». В Алтайском крае по приказу № 00593 осуждали китайцев и корейцев, «монголистов»¹⁷.

В 1937–1938 гг. массовость репрессий обеспечили внесудебные инстанции. Приговоры по «национальным» операциям выносили Комиссия НКВД и Прокурора СССР («двойка»), Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР и Особые тройки. С августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. карательные функции были закреплены за «двойкой», созданной по приказу № 00485, в состав которой входили нарком внутренних дел Н.И. Ежов и прокурор СССР А.Я. Вышинский, иногда их заместители. В ее полномочия входило подписание уже готовых протоколов, которые составлялись центральным аппаратом НКВД на основании пришедших из регионов справок на арестованных («альбомная» справка). В последних указывались краткие анкетные данные и суть обвинения. Протоколы могли содержать сведения от одного-двух до тысячи человек. Подписанный документ окончательно утверждал репрессивное решение в отношении арестованных. Параллельно с Комиссией НКВД и Прокурора СССР работало Особое совещание при НКВД СССР. Выносить репрессивные решения в отношении лиц, арестованных в рамках «национальных» операций, ОСО не имело право. В ее задачи входило только оформление выписок на приговоренных к лагерному заключению, ссылке или выселению из страны. Выписки отправлялись на места для ознакомления с ними осужденных.

Весной 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР «захлебнулась» в поступающих со всех регионов «альбомов» по «национальным» операциям. С мест сыпались жалобы на перегруженность тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговоренных к расстрелу заключенных и т.п.¹⁸ К этому времени карательные органы уже оказались дискредитированы начатыми арестами организаторов чисток уровня региональных начальников НКВД. В сложившейся обстановке было принято решение о передаче карательных полномочий на места в компетенцию вновь образованных внесудебных инстанций – Особых троек, в состав которых входили начальник территориального НКВД, прокурор республики, края или области и партийный секретарь. Этот орган, созданный по приказу НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., обязывался в двухмесячный срок разобрать скопившиеся в Москве «альбомные» справки на арестованных. После завершения этой работы массовые репрессии прекратились.

В организации репрессий, помимо двойки и Особой тройки, участвовали Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассматривающая дела на советскую элиту, а приговоры на лиц, арестованных по приказу № 00447, выносила внесудебная инстанция – тройка. Примечательно, что созданная в середине сентября 1938 г. Особая тройка повторяла состав «кулацкой» тройки, однако представлен он был уже другими лицами, так как бывшие члены, выносившие приговоры по приказу № 00447, к осени 1938 г. (перед передачей карательных полномочий) были репрессированы. Так А.П. Алексеенко сменил на посту начальника УНКВД по Красноярскому краю Ф.А. Леонюка, С.П. Калниш – крайпрокурора Э.С. Любошевского, П.Х. Кулаков – первого секретаря крайкома ВКП(б) С.М. Соболева.

¹⁵ *Потанова Н.А.* Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода Большого террора в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156–162.

¹⁶ В Якутской АССР репрессии по приказу № 00447 («кулацкая» операция) не проводились, главное место в статистике чекистов заняли «национальные» операции, а именно «харбинская». Репрессии по остальным «линейным» карательным акциям были единичны или отсутствовали совсем.

¹⁷ *Потанова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.

¹⁸ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

Массовые репрессии по «харбинской» операции начались в конце сентября 1937 г. с выходом приказа № 00593 и проводились на основании имеющихся учетных справок, которые наряду с постановлением и ордером на арест, подписывались, не только начальниками отделений и отделов Управлений государственной безопасности (УГБ) УНКВД, но и прокурором (региональная двойка). На следствие отводилось не более месяца. После чего составлялось обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения и определялась инстанция (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор. Региональные органы НКВД не только выбирали карательный орган, но и распределяли арестованный контингент между массовыми операциями. Это давало местным чекистам широкие полномочия в увеличении количества репрессированных, так как «кулацкая» и «национальные» акции, а также «чистки» советской элиты шли параллельно друг другу. При этом Москва не давала четких инструкций по распределению контингента между судебными и внесудебными инстанциями. Несомненно, центральный аппарат НКВД контролировал региональные органы в вопросе распределения репрессированных контингентов по массовым операциям и, соответственно, по карательным инстанциям, так как списки арестованных, подлежащие рассмотрению Военной коллегии Верховного Суда СССР и двойкой, направлялись на утверждение в НКВД СССР. Как уже отмечалось, Комиссия утверждала предложенную региональными карательными органами меру наказания, однако в некоторых случаях предписывала передать дело на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, Военного трибунала или суда. Похожая ситуация сложилась и со списками репрессированной советской элиты. В исключительных моментах дела передавались на рассмотрение в «альбомном» порядке, т. е. в компетенцию двойки. Фактически, в годы Большого террора грани между судебными и внесудебными инстанциями не существовало, основная их задача сводилась к конвейерному, или «списочному» рассмотрению дел. Судебная процедура была упрощена до предела: слушание дела проходило без свидетелей и продолжалось в среднем пять – десять минут. Таким образом, можно утверждать о взаимозаменяемости судебных и внесудебных инстанций в годы Большого террора. Роль прокуратуры в реализации массовых операций в 1937–1938 гг. была сведена к минимуму. Ее функции ограничивались визированием постановлений на массовые аресты. Полномочия НКВД в 1937–1938 гг. были неограниченными.

Несмотря на широкие права региональных органов НКВД, Москва несколькими способами осуществляла контроль за действиями местных чекистов. Первый способ заключался в информировании центрального аппарата Москвы о статистических итогах операций каждые пять дней. В таких отчетах чекисты сообщали общую численность арестованных с начала проведения операции, количество задержанных за пять дней (с 1 по 5, с 5 по 10, с 10 по 15 и т. д. числа каждого месяца), а также, в случае с «харбинской» операцией, цифровые данные с разделением на целевые категории (харбинцы, китайцы, корейцы и т. д.).

Еще одним способом контроля были докладные записки, подготовленные региональными органами НКВД для центрального аппарата. В них подробно сообщалось о ходе карательной акции, а именно о количестве арестованных, раскрытых групповых делах, прилагались протоколы допросов, а также справки на лиц, выявленных в ходе допроса обвиняемого в «японском шпионаже» и т. д. Такие записки направлялись в столицу до нескольких раз в неделю. «Альбомные» списки, направляемые в НКВД СССР, также выполняли функции контроля. Кроме того, в январе, апреле и июне по требованию Москвы были подготовлены сводные отчеты о итогах массовых операций 1937–1938 гг.

Среди сибирских регионов Красноярский край наряду с Читинской и Новосибирской областями стал лидером по числу жертв, осужденных по приказу № 00593. В крае проживали сосланные раскулаченные крестьяне и казаки, «неблагонадежные» элементы, выселенные из приграничных территорий СССР, а также интернированные солдаты и офицеры, перешедшие советско-китайскую границу вследствие оккупации Маньчжурии Японией. В южных районах края, из-за их географической близости к Монгольской и

Тувинской народным республикам и к Китаю, репрессировали лиц (особенно перебежчиков), проживающих, даже временно, на этих территориях.

К середине ноября 1938 г. двойка осудила по Красноярскому краю 4855 человек. Утвержденные Комиссией приговоры были крайне жестокими: 3380 человек (70 %) были приговорены к расстрелу, 1475 человек (30 %) – к лагерному заключению. По приказу № 00593 в «альбомном» порядке было рассмотрено справок на 1026 человек, т. е. одна треть от общего числа осужденных приходилась на обвиненных в «японском шпионаже».

Таблица 1

**Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР
по «харбинской» операции в Красноярском крае**

№	Дата	Всего	ВМН	ИТЛ	Прочее
79	13.11.1937	34	33	1	
123	26.11.1937	19	15	3	1 – доследовать
151	11.12.1937	31	25	6	
191	25.12.1937	62	48	13	1 – доследовать
258	04.01.1938	88	88		
274	07.01.1938	15	15		
353	03.02.1938	73	60	9	3 – доследовать; 1 – ВКВС
464	09.04.1938	50	44	3	3 – доследовать
494	19.05.1938	105	76	29	
496	25.05.1938	68	62	6	
504	02.09.1938	481	462	19	
Итого		1026	928	89	9

Составлено по: Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 14, 18, 24, 29, 32, 34, 40, 41, 42, 43.

Особая тройка с 29 сентября 1938 г. по 15 ноября 1938 г. вынесла решения в отношении 1890 человек, включая 727 человек по приказу № 00593. Приговоры тройки были даже более жесткими: 668 человек (92 %) были осуждены к расстрелу.

В Красноярском крае целевые категории приказа № 00593 представлены особенно разнообразно. Это подтверждает и докладная записка о результатах массовых операций, подготовленная УНКВД Красноярского края к середине апреля 1938 г. В качестве целевых категорий, наряду с обозначенными в «харбинском» приказе, были названы «монголеры»¹⁹, «тувинцы»²⁰, местный «контрреволюционный элемент», консульские и посольские связи, китайцы, корейцы, выселенные из пограничной полосы «кулацко-бандитские элементы», лица, проживавшие за границей, имеющие родственников за границей. Однако при изучении протоколов внесудебных инстанций перечень целевых групп дополнился татарами, иранцами, финнами, греками и др.

По так называемой харбинской линии в Красноярском крае было осуждено 473 человек (27 %) ²¹. Среди них перебежчики советско-китайской границы, белогвардейцы, этапированные из Китая, реэмигранты, бывшие служащие китайской полиции, работники

¹⁹ Этапированные из МНР (прежде всего белоэмигранты), а также нелегально перешедшие монгольско-советскую границу.

²⁰ Этапированные из ТНР (прежде всего белоэмигранты), а также нелегально перешедшие тувинско-советскую границу.

²¹ Здесь имеется в виду не сама операция, проводимая по приказу № 00593, а карательное направление, выделенное на основании репрессированных целевых категорий.

иностранных фирм, окончившие курсы в Харбине, владельцы и совладельцы предприятий, бывшие «контрабандисты» и торговцы. Следует отметить, что «харбинская» линия реализовывалась в Красноярске до середины зимы 1938 г., по мере «изъятия» всех «харбинцев» в крае основные репрессии по приказу № 00593 обрушились на китайцев, корейцев, «бывших».

Таблица 2

Протоколы Особой тройки по «харбинской» операции в Красноярском крае

№№	Дата	Всего	ВМН	ИТЛ	Прочее
01	29.09.1938	115	115	–	–
08	02.10.1938	80	79	–	1 – следствие
012	04.10.1938	71	70	1	–
013	04.10.1938	60	60	–	–
014	04.10.1938	43	37	6	–
015	05.10.1938	41	35	1	5 – следствие
016	05.10.1938	13	12	–	1 – в суд
017	05.10.1938	61	55	6	–
019	05.10.1938	58	52	5	1 – следствие
028	17.10.1938	53	44	9	–
031	17.10.1938	30	30	–	–
032	17.10.1938	36	34	2	–
035	19.10.1938	58	37	21	–
037	19.10.1938	8	8	–	–
Итого		727	668	51	8

Составлено по: Архив ФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 603, 614, 615, 630, 633, 634, 637.

Динамика арестов и осуждений наглядно показывает, что в Красноярском крае представителей диаспор репрессировали с первых дней проведения «харбинской» операции. Около 23 % прошедших по приказу № 00593 в Красноярском крае составили китайцы. Всего было осуждено 361 китайцев, из которых около 350 были приговорены к ВМН. Репрессии затронули всю китайскую общину, проживающую в крае. В Красноярске китайская диаспора появилась после Первой мировой войны. Ее дополнили интернированные партизанские отряды, которые спасаясь от японской агрессии в 1935 г. перешли советско-китайскую границу. Результатами репрессий 1937–1938 гг. стало полная ликвидация китайской общины в крае, что подтверждает докладная записка УНКВД по Красноярску, направленная на имя Н.И. Ежова²².

Массовые репрессии затронули корейское население. В годы Большого террора была проведена тотальная депортация корейского населения с Дальнего Востока СССР и несколько тысяч корейцев осудили по «харбинскому» приказу. В Красноярском крае по приказу № 00593 арестовали 218 корейцев, т. е. около 14 % от числа всех арестованных по «харбинской» карательной акции. Из числа корейцев под репрессии по приказу № 00593 попали в основном перебежчики и интернированные. Так весной 1938 г. в Красноярском крае чекистами была ликвидирована организация «Разведчики», в которую якобы входили 136 чел интернированных корейцев. Также, как и к китайцам, к корейскому населению были применены суровые меры наказания – все арестованные были расстреляны.

Наряду с китайским и корейским населением целевыми категориями приказа № 00593 в Красноярском крае стали иранцы и греки. Об этом свидетельствуют не только протоколы

²² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 54.

двойки и Особой тройки, но и телеграфные сообщения, отправляемые в Москву каждые пять дней²³. Примечательно, что представители этих национальностей попадали под «греческую» и «иранскую» линии, стартовавшие зимой 1937–1938 гг. Вероятно, из-за немногочисленности иранской и греческой диаспор в крае местные сотрудники НКВД не стали формировать на них отдельные «альбомы», а включили их в «харбинские», тем более, что целевая категория «японские шпионы» не была четко определена. Всего по протоколам внесудебных инстанций по приказу № 00593 проходит около 20 греков и иранцев (1,3 %).

В ходе проведения «харбинской» операции в крае были осуждены так называемые «монголеры» (этапированные из Монгольской Народной Республики и перебежчики советско-монгольской границы). Большой террор затронул и МНР, где действовали структуры НКВД СССР во главе с М.П. Фриновским. Обвиняемых в участии в панмонгольских и прояпонских организациях, высылали в СССР, в частности в Красноярский край. Этот контингент, преимущественно, был представлен белогвардейцами, которые остались в МНР по завершению Гражданской войны. В Советском Союзе органы НКВД выносили окончательный приговор, как правило, расстрел. Вероятно, по схожему сценарию развивались события в Тувинской Народной республике, граничащей с Красноярским краем. Из протоколов внесудебных инстанций следует, что жившие в ТНР и высланные с этой территории как «неблагонадежные» элементы были названы «японскими» шпионами. Доля «монголеров» и высланных из ТНР в рамках приказа № 00593 составила 2,2 % (10 человек и 117 человек соответственно).

Особенностью Красноярского края стали чистки в отношении раскулаченных и сосланных сюда крестьян и казаков, репрессированных не только по «кулацкой» и «ровсовской» линиям, но и по «харбинской» операции. Данные категории должны были пройти по «кулацкой» операции. Возможно, включение так называемых кулаков-казаков в рамки приказа № 00593 было способом обойти лимиты по приказу № 00447, как это было с операцией по РОВС. В Красноярском крае по «харбинской» операции арестовали 554 раскулаченных крестьян и казаков, что составило 32 % от общего числа репрессированных.

УНКВД по Красноярскому краю по приказу № 00593 репрессировал «харбинцев», китайцев и корейцев, что не выбивается из общесоюзной тенденции. Чистки в отношении перебежчиков монгольско-советской границы и этапированных из МНР не приняли здесь массового характера, как, например, на Алтае или в Новосибирской области, что обусловлено географическими причинами. А вот географическая близость ТНР, откуда на протяжении 1930-х гг. выселялось русскоязычное «контрреволюционное» население, предопределила репрессии в отношении этой категории населения. Массовое включение бывших кулаков и казаков, высланных в край в первой половине 1930-х гг., преимущественно из Читинской области, является главной особенностью проведения «харбинской» операции в регионе. Категории «кулацкой» операции были репрессированы не только в период работы Особой тройки, но и в «альбомном» порядке, т. е. включение бывших кулаков и казаков в приказ № 00593, происходило с санкции Центрального аппарата НКВД. Поэтому выбор целевых категорий «национальных» операций зависел от территориальных органов НКВД, которые были наделены широкими полномочиями. Определение целевых контингентов и масштабов нелимитированных операций напрямую зависело от начальника УНКВД, от того, как он понимал задачи карательных акций, от его желания выслужиться перед наркомом внутренних дел СССР или, наоборот, остаться незамеченным. Очевидно, что в Красноярском крае в ходе проведения «харбинской» операции местное УНКВД преследовало задачу по очищению региона от «пришлых» контингентов, к которым относились интернированные китайцы и корейцы, переселенные «монголисты», «тувинцы», бывшие кулаки и казаки. Эти категории подвергались в 1937–1938 гг. повторной репрессии. Вынесенные сотрудниками УНКВД по Красноярскому краю карательные решения были жестокими, 91 % арестованных приговаривали к расстрелу, в то

²³ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф.2. Д. 98.

время как в общесоюзном масштабе смертные приговоры по «национальным линиям» не превышали 70 %. Этнический признак не был определяющим критерием для репрессии по приказу № 00593 в Красноярском крае. Социальный статус (статус перемещенного населения или административного высланного населения) для чекистов являлся определяющим фактором чистки, а «связь с границей» выступал в качестве повода для репрессии.

Литература

Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Белковец Л.П. «Большой террор» и судьба немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М.: ИВДК: ЛА «Варяг», 1995. 315 с.

Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 342 с.

Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 11.01.2019).

Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. 416 с.

Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, свободный (дата обращения: 02.02.2019).

Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–43.

Потапова Н.А. Антикитайская карательная акция НКВД СССР периода Большого террора в Дальневосточном крае: механизмы и масштабы репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 156–162.

Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.

Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI, 2012, № 3. С. 40–61.

Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: СФУ, 2015. 198 с.

Сон Ж. Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М.: Гриф и К, 2013. 528 с.

Такала И.Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Петрозаводск, 2018. Вып.3. С. 143–207.

Savin A. Ethnification of Stalinism? National Operations and the NKVD Order № 00447 in a Comparative Perspective // Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research. Edited by Andrej Kotljarchuk & Olle Sundström. Stockholm 2017. P. 49–68.

References

Ablazhej N.N. "Harbinskaya operaciya" NKVD v 1937–1938 ["Harbinian" operation of the NKVD in 1937–1938] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2008. № 2. S. 80–85.

Ablazhej N.N. S vostoka na vostok: Rossijskaya eh migraciya v Kitae [From East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. 300 s.

Belkovec L.P. "Bolshoj terror" i sudba nemeckoj derevni v Sibiri (konec 1920–1930 gody) [The "Great Terror" and the fate of the German village in Siberia (late 1920s – 1930s)]. М.: ИВДК: ЛА "Варяг", 1995. 315 s.

Vatlin A.Y. "Nu i nechist". Nemeckaya operaciya v Moskve i Moskovskoj oblasti 1936–1941 ["Well, evil". The German operation in Moscow and the Moscow region 1936–1941]. M.: ROSSPEHN, 2012. 342 s.

Dacyszen V.G. Politicheskie repressii i kitajcy v SSSR [Political repression and the Chinese in the USSR]. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (data obrashcheniya: 11.01.2019).

Dzhuha, I.G. Grecheskaya operaciya. Istoriya repressij protiv grekov v SSSR [Greek operation. The history of repression against the Greeks in the USSR]. SPb.: Aletejya, 2006. 416 s.

Ohotin N.G.; Roginskij, A.B. Iz istorii "nemeckoj operacii" NKVD 1937–1938 [From the history of the "German operation" of the NKVD of 1937–1938]. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, svobodnyj (data obrashcheniya: 02.02.2019).

Petrov N.V., Roginskij A.B. "Polskaya operaciya" NKVD 1937–1938 ["Polish operation" of the NKVD 1937–1938] // Repressii protiv polyakov i polskih grazhdan. M.: Zvenya, 1997. S. 22–43.

Potapova N.A. Antikitajskaya karatelnaya akciya NKVD SSSR perioda Bolshogo terrora v Dalnevostochnom krae: mekhanizmy i masshtaby repressij [Antikitayskaya punitive action of the NKVD of the USSR during the Great Terror in the Far Eastern Territory: the mechanisms and scope of repression] // Problemy Dalnego Vostoka. 2018. № 3. S. 156–162.

Potapova N.A. "Harbinskaya" operaciya NKVD SSSR 1937–1938 v Altajskom krae ["Harbinian" operation of the NKVD of the USSR in 1937–1938 in Altai Krai] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017. № 47. S. 75–80.

Savin A.I. Etnizaciya stalinizma? "Nacionalnye" i "kulackaya" operacii NKVD: sravnitel'nyj aspekt [Ethnicization of Stalinism? "National" and "kulak" operations of the NKVD: a comparative aspect] // Rossiya. XXI. 2012. № 3. S. 40–61.

Savin A. Ethnification of Stalinism? National Operations and the NKVD Order № 00447 in a Comparative Perspective // Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research. Edited by Andrej Kotljarchuk & Olle Sundström. Stockholm 2017. S. 49–68.

Silonov S.M. Internirovannye kitajcy v Sibiri (1930 gody) [Interned Chinese in Siberia (1930s)]. Krasnoyarsk: SFU, 2015. 198 s.

Son J. Rossijskie korejcy: vsesilie vlasti i bespravie ehtnicheskoj obshchnosti 1920–1930 [Russian Koreans: the omnipotence of power and the lack of rights of the ethnic community of 1920–1930.]. M.: Grif i K, 2013. 528 s.

Takala I.R. Bolshoj terror v Karelii [Great Terror in Karelia] // Almanah severoevropskikh i baltijskikh issledovanij. Petrozavodsk, 2018. Vyp. 3. S. 143–207.

Статья поступила в редакцию 30.01.2019 г.